

мас. 2692 с

Критическіе наброски.

(УЖАСНЫЕ МУЖИКИ).

I.

Съ выходомъ апрѣльской книжки «Русской Мысли» наша литература обогатилась однимъ изъ тѣхъ великихъ произведений, которыя, будучи прекрасными сами по себѣ, тяжело ложатся на малыхъ сихъ и терзаютъ душу добраго россиянина тоскою безысходной. Произведение это «Мужики» Антона Чехова, небольшой въ простенькій рассказъ, занимающій въ журналѣ не болѣе тридцати страницъ, но зато вполне способный иную живую душу повергнуть въ бездну отчаянья. Фельетонистъ «Новаго Времени», пишущій подъ нѣскольکو собачьимъ псевдонимомъ, сообщая о выходѣ новаго разсказа А. П. Чехова, захлебываясь отъ восторга, оповѣстивъ міръ, что онъ читалъ и перечитывалъ эту грустную повѣсть много разъ и не могъ достаточно насладиться ея красотами.

Повѣсть эта въ самомъ дѣлѣ можетъ быть причислена къ лучшимъ разсказамъ нашего извѣстнаго беллетриста по фактѣ и необычайно этически-спокойной чванѣ письма. Авторъ здѣсь, какъ личность, воплотилъ и всецѣло отсутствовалъ, изображая полнѣйшее спокойствіе вивсектора и не показывая ни малѣйшаго признака собственнаго состраданія или негодованія по отношенію къ точно наблюдаемому имъ явленію. Только одной природѣ, вѣрнѣе ландшафту, гдѣ происходитъ нѣсколько глубоко безотрадное дѣйствіе его разсказа, А. П. Чеховъ даритъ нѣсколько милыхъ улыбокъ и оживляетъ его описаніе нѣкоторою сочувственною субъективностью. Впрочемъ ландшафтъ въ разсказахъ г. Чехова такъ же, какъ и въ работахъ Л. Н. Толстого, всегда играетъ большую роль и всего болѣе свидѣтельствуеетъ о несомнѣнномъ и большомъ мастерствѣ этого писателя, какъ чистаго художника. Сомнительно, чтобы Чеховъ любилъ людей и всего болѣе людей русскихъ, но что природу русскую онъ любитъ не только разсудочной мыслию, но и страстнымъ сердцемъ—это несомнѣнно.

Фабула «Мужиковъ» въ высшей степени проста. Половой Славянскаго базара ослабилъ на ноги и вздумалъ, вспоминая картины ранней юности, ѣхать умирать на родину, въ деревню, въ которой у него жили еще и мать и отецъ, а также братъ Кирыкъ съ женой Марьей, и невѣстка брата Дениса, отбывавшаго воинскую повинность—Оекла. Распродавъ изъ своего московскаго скарба все сколько-нибудь стоящее, Николай, умирающій, и безъ денегъ, является въ густо населенную избу родителей, съ женой Ольгой и десятилѣтней дочкой Сашей. Это случилось въ срединѣ августа, а къ началу зимы онъ умираетъ. Долгую и тяжелую безхлѣбную зиму прожила еще его кроткая жена и его болѣзненнымъ дочка въ той же семьѣ мужиковъ,

но съ наступленіемъ весны въ лаптяхъ и лохмотьяхъ, нобираясь Христовымъ именемъ, плетутся онѣ опять въ Москву же. Въ видѣ эпизодовъ, въ ту же картину входятъ: описаніе деревенскаго пожара, прїѣздъ станового для собиранія громаднѣйшей недоимки (съ 40 дворовъ 2,000 руб.), вслѣдствіе чего полоумный староста отбираетъ у семьи Осипа послѣдній самоваръ и этимъ заканчивается все фактическое въ этомъ разсказѣ. Дѣло, однако, здѣсь не въ фактахъ и въ событіяхъ: дѣло въ томъ поголовномъ гнѣвѣ русскаго мужика съ чадами и домочадцами,—въ гнѣвѣ, отвратительно смердящемъ на громадное пространство кругомъ, которое разворотилъ и распласталъ съ большимъ усердіемъ передъ нами художникъ. Уже чего, кажется, хуже дѣйствующихъ лицъ во «Власти Тьмы» г-ра Толстого, но «Мужики» Чехова, по моему, еще безотраднѣе, еще хуже. Толстой даетъ намъ хоть фигуру косноязычнаго Акима, даетъ здравое сужденіе въ отвратительной фигурѣ резонирующаго солдата, когда за стѣной отъ него бабка и мать ребеночка давятъ, и та и другая все еще даютъ поводъ думать, что не вся надежда на безконечную власть тьмы потеряна, что подъ смердящею плотью еще трепещетъ живая душа и колотится протестующій разумъ, хотя бы какъ первая, такъ и второй лишены активной дѣйствующей воли, но это все еще сохраняетъ вамъ хоть искру надежды на лучшее будущее. «Мужики» же Чехова безконечно и безповоротно безотрадны. Сама благочестивая и нѣжная сердцемъ Ольга, любящая почитать Евангеліе, плачетъ надъ словомъ Божіимъ только потому, что тамъ попадаетъ ей два, непонятныя для нея слова: *аще и доидеже*. И она, при всей своей расплывчатой мягкости, при всей природной добротѣ и даже грамотности московской горничной—такая же грубая, такая же темная суевѣрка, какъ и обѣ ея золовки, ведущія—одна ужасную жизнь избиваемой пьянымъ мужемъ жертвы, радующейся, когда у нея умираютъ собственныя дѣти, а другая—развратная солдатка, животное здоровая, грубая и наглая. Глава семьи, ужасная мегера, мать и бабушка, своимъ безконечнымъ кнутобойствомъ, издѣвательствомъ и скаредностью довольная даже мзденцевъ до желанія, чтобы ея черти утащили въ адъ и жарили вѣчно, лишаетъ насъ послѣдней надежды не только на поколѣніе выбывающее, но и на тѣ молодыя души дѣтей, которыя вырастаютъ въ обстановкѣ избы пьянаго Осипа. Сцена, когда пьяный Кирыкъ безпричинно, смертнымъ боемъ бьетъ свою Марью, въ присутствіи цѣлой живой семьи, массы дѣтей, собственныхъ родителей и прїѣзжихъ изъ столицы гостей,—сцена, когда семилѣтнія дѣвочки отнимаютъ у младенца молочко и вливаютъ его въ чашку, въ которой бабка размачиваетъ сухіе корки для того, чтобы оскормить старуху и тѣмъ несомнѣнно отравить ее въ адъ на муку вѣчную, наконецъ сцена пожара, съ толпой каменщиковъ—то истинныхъ болвановъ,

не понимающих за что взяты, как быть и что надо делать, не только говорят нам о печальном невезении, о забитости народной, но ярко свидетельствуют о полной его гнилости, о той гнилости, где уже не только прах мертвых, но и самой души есть уже даже крошечного мѣста. Тут погребать надо, так как дѣлать некого и не для чего, ибо вѣтъ жизни, не осталось и слѣдовъ духа человеческого! Умирающій дармовѣд и не *добытчик* Николай, — самая блѣдная фигура разсказа; тѣмъ не менѣе, не задолго до смерти доставляетъ себѣ удовольствие: надѣваетъ старый фракъ, хватается за фалдочки и, смотря въ зеркало, радостно смѣется. Между тѣмъ этотъ бывалый человѣкъ ясно видитъ, въ какую яму завезъ онъ свою кроткую жену и дочку, слабую и болѣзненную. Казалось бы, покуда еще остались силы наражаться во фракъ, не проще ли было бы, продавъ этотъ фракъ, какъ нибудь вывезти своихъ «московскихъ дворянокъ», какъ говоритъ грубая Оекла, изъ родительскаго вертепа? Но это простое соображеніе не приходитъ никому въ голову. Сама здоровячка Оекла, фигура превосходно очерченная рѣзкими, смѣлыми штрихами, однажды, въ холодный ноябрь ночью, является домой отъ приказничьихъ озорннковъ совершенно нагая и попадаетъ въ свою избу только благодаря добротѣ московской дворянки Ольги. Словомъ, ужасъ безучастія, безчеловѣчія, разврата, безволія, бездарности и самой вопиющей безмыслицы ведетъ къ тому, что единственно человѣчная еще фигура начетницы и ея дочки появляется передъ нами въ безконечно печальномъ образѣ нищихъ и тѣмъ достойно завершаетъ этотъ печальный разсказъ. Между тѣмъ недалеко отъ Жукова, Халуевки тоже, живутъ прекрасные господа, есть студентъ, пріѣзжающій на пожаръ на лошади, есть даже машина, есть барышня, томя укоряющія храброго студента словами: «Жоржъ! Жоржъ!» — и ни у кого нѣтъ ни желанія, ни силы, ни побужденія или добить это жалкое существованіе жуковцевъ, или помочь имъ помощью человѣческой! Господи, да неужели же это не клевета? Неужели же все это, въ самомъ дѣлѣ, *последняя* правда?!

II.

Критики наши, которые, надо отдать имъ справедливость, всегда больше заботятся о томъ, кто написалъ, чѣмъ о томъ, что и какъ написано, въ настоящемъ году дали убѣдительное доказательство, что повадка эта въ самомъ дѣлѣ и крѣпка, и чуть ли даже непререборима. Въ одномъ изъ первыхъ моихъ фельетоновъ за текущій годъ я останавливалъ вниманіе читателей на разсказѣ г. Ясинскаго «Тараканій бунтъ», напечатанный въ первой книжкѣ «Севернаго Вѣстника». Въ этомъ разсказѣ также разработаны *модь ормэ*, наши пьяные и драчливые мужики. Какъ какъ авторъ «Тараканьяго бунта» находится «подъ херомъ» у критиковъ либеральнаго лагеря, то они къ разска-

зу отнеслись безразлично и пристрастно. Въ лучшемъ случаѣ его замалчивали. Напротивъ, разсказъ г. Чехова сразу нашелъ себѣ ярыхъ и убѣжденных хвалителей. По этимъ отзывамъ выходитъ, что г. Максимъ Вѣлискій наклеветалъ на народъ, напротивъ г. Чеховъ далъ намъ поразительно художественный образъ того бѣдственнаго мужика, который погибаетъ во тѣмъ вражьей власти, и ждетъ не дождется появленія въ своей средѣ убѣжденнаго просвѣтителя. Между тѣмъ, «Тараканій бунтъ» читается легче «Мужиковъ» и не оставляетъ такой безотрадной тоски, какъ эти ужасные чеховскіе мужики. Я думаю, что послѣднее происходитъ именно потому, что произведеніе г. Вѣлискаго не столь объективно, какъ произведеніе г. Чехова. Тамъ слышенъ произвирующій, можетъ быть негодующій, можетъ быть даже прямо презирающій русскую деревню авторъ. Съ нимъ можно и спорить, если вы разныхъ лагерей и разныхъ воззрѣній на современную деревню, и съ нимъ же можно и согласиться тѣмъ, у кого передъ глазами такіе же безпросвѣтныя, пропитыя дигиловки, какъ та, изъ которой ушли всей массой проданные кабатчику тараканы. Съ «Мужиками» г. Чехова нельзя ни согласиться, ни спорить. Это нѣчто положенное въ распластанномъ видѣ подъ холодное стекло микроскопа и ожидающее только приговора: въ какую яму все это выбросить, какими способами все это поглубже закопать. Въ лучшемъ случаѣ критика, восхваляющая второго и порицающая первую, могутъ оправдываться указаніемъ на то, что у г. Ясинскаго работала предвзятая и притомъ злая тенденція, тогда какъ у г. Чехова создавала художественная вдохновенная поэзія. Тамъ, скажутъ, односторонняя сатира, здѣсь же грустная, но зато художественно-безобидная и не предвзятая правда. Не спорю, эта отговорка выигрышная, но во всякомъ случаѣ это отговорка несомнѣтельная. Дѣло въ томъ, что едва ли найдешь много такихъ цѣнителей, какъ г. Фингалъ, имѣвшій терпѣніе смаковать ужасы ужасныхъ мужиковъ три раза, разъ за разомъ! Конечно, вкусы бываютъ разные и есть охотники даже до самыхъ гонимыхъ самостязаній, но во всякомъ случаѣ такихъ немного и ихъ трудно признать людьми нормальными. Обыкновеннаго же читателя и однократное чтеніе разсказа г. Чехова способно привлечь въ сумрачное расположеніе духа дней на десять. Затѣмъ же подвергаться такимъ попыткамъ, разъ изъ нихъ ничего полезнаго не выйдетъ, разъ это не что иное, какъ та же пѣсня птицы, которая не можетъ не пѣть и представляетъ протестъ, конкретную правду, не нигилистическую давящую обобщенію? Подождемъ, что пойдѣтъ, какъ вольная птичка, авторъ и не хотѣлъ обобщать, тѣмъ не менѣе это обобщеніе невольно одѣлаетъ каждый слушатель его пѣсни, каждый читатель его ужасной повѣсти. И это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, такъ какъ, оставая въ туманахъ замалчи-

ванья также отлично написанный разсказъ г. Ясинскаго, критики, доброжелательные г. Чехову, торопятся подложить подъ его «Мужиковъ» соломки и гонорить въ разныхъ тонахъ о необходимости торопиться въ деревню, учить мужиковъ, хотя бы съ принужденіемъ и насильно. Между тѣмъ развѣ не то же самое слѣдуетъ изъ сатиры «Тараканьяго бунта»? Развѣ на ясный и простой взглядъ какъ жители Дигиловки, такъ и жители Халуевки не одинаково я не навсегда потеряны для просвѣщенія? Какъ ихъ учить, когда имъ учиться нечѣмъ, ибо они пропихи всякій смыслъ? Какъ ихъ воспитать, когда у нихъ души не осталось, и на ея мѣсто стала грубая формула о добытчикѣ и дармовѣдѣ? По свидетельству обоихъ авторовъ, и тамъ и тутъ вопиетъ пропаля въѣра въ Бога, исчезло даже понятіе о молитвѣ, но въѣра въ таракана, въ колдовство, въ примѣты и въ вѣчное истязаніе сохранилась и разцвѣла.

Какъ найти общую точку между учителемъ и этими звѣрями въ образѣ человеческомъ, когда тутъ мужъ бьетъ кулакомъ жену прямо въ лицо, бабка кличетъ на всѣхъ *халеру*, мать радуется смерти родного ребенка, — когда исчезло всякое понятіе о томъ, что дурно и что хорошо, и даже ужасъ смерти является только съ какой-то часто формальной стороны расходовъ на похороны, и страстей предстоящаго раздѣла? По болоту можно хоть плыть, но по трясинѣ ни пройти, ни пробѣжать, ни проплыть вѣдь нельзя. И если нашъ народъ есть именно такая непроходимая трясина всякихъ безчеловѣчныхъ гадостей, то учить его теперь, пожалуй, уже поздно.

На самомъ же дѣлѣ, при всемъ уваженіи къ обоимъ авторамъ, по отношенію къ самому ихъ мастерству, я дерзаю думать, что ихъ ужасные дигиловско-халуевскіе мужики являются преувеличеніемъ, возведеніемъ, волюнтію у Ясинскаго и невольничьемъ у Чехова, въ общее правило конкретнаго и частнаго факта. У послѣдняго вѣдь есть даже и фактическия тому доказательства. Увеличась страстью къ пейзажу, г. Чеховъ въ мѣстахъ, приличныхъ для украшенія своего ландшафта, одѣваетъ ту же толпу пьяныхъ и безумныхъ нищихъ въ аркіи и чистыя одежды? Очевидно, не все пропито въ трактирахъ и кабакахъ, и не все мужики такъ ужасны, какъ семья Осипа, не всѣ такъ безпробудны и жестоки пьяницы, какъ Кырыкъ, а если не всѣ, и по всему вѣроятію, даже немногіе, то писать такие безпросвѣтные ужасы о мужикѣ, пожалуй, и не для чего. Трупы принадлежатъ часовникамъ и прозекторскимъ, ихъ такъ и оставлять слѣдуетъ изъ уваженія къ нервамъ читателей, и если уже выводить на свѣтъ Божій, то, конечно, лучше въ формѣ тенденціозной сатиры г. Максима Вѣлискаго, чѣмъ въ формѣ такого художественно-объективнаго разсказа, каковъ, несомнѣнно, разсказъ г. Чехова. Практической пользы отъ этого будетъ много больше.

III.

Но вы, может быть, подумаете, что я вообще против описания бедствий, несчастий и неурядиц нашего земного существования. Совсѣмъ нѣтъ. Надѣюсь, что мои читатели, по крайней мѣрѣ столичные, были на выставкѣ передвижниковъ и если были, то во всякомъ случаѣ не прощли безучастно мимо двухъ прекраснѣйшихъ, хотя и очень грустныхъ, картинъ г. Богданова-Вѣльскаго—«Въ дверяхъ школы» и «У больного учителя». Это также очень грустныя по сюжету картины, но на нихъ въ самомъ дѣлѣ можно дни смотреть и все еще достаточно не насмотрѣться. Любовь человѣческая, водившая кистью художника, помогла ему совершить нѣчто, почти граничащее съ чудомъ. Въ дверяхъ школы вы видите спину нищаго мальчика, въ душу раздирающую рубищѣ и съ мѣшкомъ нищаго за плечами. Ни малѣйшей черты лица нѣтъ передъ вами, но, не смотря на это, вы видите *лицо* этого мальчика и притомъ можетъ быть яснѣе, чѣмъ видѣли бы его, если бы онъ былъ повернутъ къ вамъ не спиною. Вся фигура его дышетъ такой навьюной и святой любознательностью; ему такъ хочется въ эту школу, хотя бы только на порогъ, что вы невольно ищете глазами, жѣть-ли вблизи кого нибудь, кто бы помогъ вамъ самимъ заплатить за обученіе именно *этого* нищаго, въ которомъ виденъ гонимый мысли, чувствуется огонь не зауряднаго интеллекта. Такъ въ дверяхъ школы стоятъ только Ломоносовы, можетъ быть, Эдисоны. Другая картинка сложнѣе, но вы также не оторветесь глазами отъ возбужденнаго лица босоногого мальчика, пришедшаго навѣстить больного учителя и съ товарищемъ принесшаго ему чашку спѣлой земляники. Большой учитель спрашиваетъ у него какой либо урокъ, и старшій посѣтитель видимо торопится показать ему свои познанія и притомъ не просто выученныя, но усвоенныя. Мальшу при этомъ нѣсколько какъ будто скучно. У него еще ситъ сознаніе мысли, но, навѣрное, не сегодня—завтра проснется.

Художникъ поступилъ прекрасно, помѣстивъ учителя въ частую, приличную, хотя и совершенно бѣдную обстановку. На немъ хорошая вышитая рубашка, одѣяло, прикрывающее его ноги,—не равное, на стѣнѣ чистое полотенце, на столикѣ книги въ порядочныхъ переплеткахъ, и самое лицо учителя не слащавое и глупо восторженное, а умное и строгое, вполне прекрасное человеческое лицо. На стѣнѣ крошечная фотографія женщины, конечно, милой матери, а можетъ быть—и невѣсты учителя. Вотъ такія картины характера очень грустнаго, но совсѣмъ не безотраднато, глубоко правдивы и глубоко поучительны, а потому и полезны. Тутъ все—жизнь, все—надежда; сюда, въ эту обстановку, можно съ успѣхомъ звать людей, желающихъ служить родитѣй и народу на обширѣйшемъ и святѣйшемъ пути его образованія. Изъ этихъ мальчиковъ, посѣщающихъ больно-

го учителя и приносящихъ ему набранную землянику, изъ этого рванаго нищаго, смиренно и внимательно заглядывающаго въ двери школы, выйдутъ люди болѣе или менѣе даровитые, болѣе или менѣе любящіе и способные, во всякомъ случаѣ, къ дѣятельному труду и къ дѣятельной жизни. Объ этихъ слѣдуетъ пѣть истиннымъ поетамъ, этихъ надо сохранять, холить и поддерживать благотворителямъ, спокойно предоставляя умирать мертвому и догнивать гнилому. Вообще, господа русскіе беллетристы и художники, бросьте писать о мужикахъ ужасныхъ или добродѣтельныхъ, о чиновникахъ, о кулакахъ, о дворянахъ и сановникахъ, пишите о людяхъ вообще. Ей-Богу, профессія совсѣмъ не интересна, напротивъ, человѣкъ представляетъ вѣчную загадку, и во всякой профессіи и любитъ, и ненавидитъ одинаково. Одинаковы у насъ всѣхъ пороки, одинаковы слабости и страсти, одинаковы и желанія. Осипы и Кирьяки, Осклы, Марья и Ольга найдутся во всякой средѣ, во всякихъ профессіяхъ и слояхъ общества. Они вовсе не составляютъ принадлежности и особенности мужицкой среды нашего времени. Идите въ ученѣйшую среду профессоровъ и тамъ вы найдете спиритовъ, вѣрающихъ гипнотизерамъ такъ же, какъ мать Николая вѣрила въ кровососныхъ банки знахаря. И тутъ найдутся профессора, которые мило шутятъ другъ надъ другомъ, сочиняя одинъ про другого небывлицы и нелѣпости шутки ради. А ужъ что касается раздѣванія до-гола гуляющихъ Осклы, то, кажется, въ интеллигентной средѣ этого раздѣванія хоть отбавляй. Безхарактерности же, безволія, полной простраціи въ случаяхъ даже небольшихъ несчастій, сколько угодно. Но нельзя же все это возводить въ послѣдній и окончательный выводъ и на его основаніи подписывать отходную всему человечеству?

Правда, Гоголь, слѣдуя влеченіямъ своего таланта и своего неудержимаго юмора, совѣтывалъ, болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, оставить добродѣтельнаго человѣка и заняться пошлякомъ. Совѣтъ этотъ пришелся намъ почему-то всего болѣе по вкусу, и мы такъ усердно и пристально занимались всякаго рода негодьями, что совершенно не видимъ хорошаго человѣка. Между тѣмъ неужели всѣ чудеса прогресса и образованія, какія мы наблюдаемъ вокругъ и около насъ, произведены одними только негодьями? Негодяи, преступники, жалкіе люди были всегда и будутъ всегда, но вѣдь ихъ за то много разъ и въ Сибирь ссылаютъ и публично позорятъ судебными волокитами. Очевидно, что жизнь еормальная не ими зиждется, не ими движется и растетъ. Если ужасные мужики не типичные мужики, то стоило-ли А. П. Чехову тратить на ихъ описаніе свой рѣдкій и большой талантъ?

Н. Ладозжскій.

<В. К. Петерсен>